

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2011
XX

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
690
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издается с 1992 года

Т о м Х Х

Экспресс-выпуск • Express-issue

2011 № 690

СОДЕРЖАНИЕ

- 1875-1879 Эдуард Иванович Гаврилов
(8 октября 1933 – 15 сентября 2011).
А . Ф . К О В Ш А Р Ь
- 1879-1886 Чёрный жаворонок *Melanocorypha*
yeltoniensis в Зайсанской котловине.
Н . Н . Б Е Р Е З О В И К О В , Б . В . Щ Е Р Б А К О В
- 1886-1891 Новые данные по биологии и размножению
большого чекана *Saxicola insignis*. Е . Н . П А Н О В
- 1891-1895 Об использовании территории сероголовой гаичкой
Parus cinctus и пухляком *P. montanus* в период
гнездования. В . В . П Р А В О С У Д О В
- 1895 О встрече большой синицы *Parus major*
в Таласском Алатау. Е . М . Б Е Л О У С О В
-

Редактор и издатель А.В.Бардин

Кафедра зоологии позвоночных

Биолого-почвенный факультет

Санкт-Петербургский университет

Россия 199034 Санкт-Петербург

Р у с с к и й о р н и т о л о г и ч е с к и й ж у р н а л
T h e R u s s i a n J o u r n a l o f O r n i t h o l o g y
Published from 1992

V o l u m e X X
Express-issue

2011 № 690

CONTENTS

- 1875-1879 Eduard Ivanovich Gavrilov
(October 8, 1933 – September 15, 2011).
A . F . K O V S H A R
- 1879-1886 The black lark *Melanocorypha yeltoniensis*
in Zaisan hollow. N . N . B E R E Z O V I K O V ,
B . V . S H C H E R B A K O V
- 1886-1891 New data on biology and reproduction
of the white-throated bushchat *Saxicola insignis*.
E . N . P A N O V
- 1891-1895 On the use of the territory in the Siberian *Parus cinctus*
and the willow *P. montanus* tits during breeding period.
V . V . P R A V O S U D O V
- 1895 The record of the great tit *Parus major* in Talas Alatau.
E . M . B E L O U S O V
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.-Petersburg University
S-Petersburg 199034 Russia

Эдуард Иванович Гаврилов **(8 октября 1933 – 15 сентября 2011)**

А.Ф.Ковшарь

Анатолий Фёдорович Ковшарь. Мензбирское орнитологическое общество
и Союз охраны птиц Казахстана

Поступила в редакцию 18 сентября 2011

В ночь с 15 на 16 сентября 2011 года скончался ведущий орнитолог Казахстана, Почётный член Мензбирского орнитологического общества, много лет возглавлявший лабораторию орнитологии Института зоологии Академии наук Казахской ССР, один из основных авторов монографической сводки «Птицы Казахстана», лауреат Государственной премии Казахстана, доктор биологических наук, профессор Эдуард Иванович Гаврилов, всю свою жизнь посвятивший изучению птиц Казахстана.

Родился Эдуард Иванович 8 октября 1933 года в Воронеже, где получил среднее и высшее образование. Птицами Казахстана начал заниматься с 1956 года, когда после окончания кафедры зоологии Воронежского университета стал работать зоологом Чапаевского противочумного отделения в Западно-Казахстанской области. Параллельно с выполнением основных обязанностей по учётам грызунов и профилактическим мероприятиям по снижению их численности, Э.И. начал активно изучать фауну птиц долины Урала и Волжско-Уральского междуречья вместе с зоологами из других противочумных отделений и отрядов (В.А.Наглов, А.К.Федосенко, В.Л.Шевченко, О.М.Татарина). За несколько лет им удалось собрать огромный по тем временам фактический материал, который был впоследствии дополнен наблюдениями других авторов и опубликован несколькими крупными выпусками (Гаврилов и др. 1968; Шевченко и др. 1978, 1993). Эти публикации составили основу современных знаний об орнитофауне Волжско-Уральского междуречья.

С марта 1959 по декабрь 1964 года Э.И.Гаврилов работает в Институте защиты растений МСХ КазССР (Алма-Ата) и без отрыва от производства обучается в аспирантуре при Институте зоологии АН КазССР (1960-1963) под руководством И.А.Долгушина. Аспирантура заканчивается защитой кандидатской диссертации на тему: «Испанский воробей в Казахстане и меры борьбы с ним». Весь богатый фактический материал, собранный по теме диссертации, Э.И. в эти же и ближайшие годы публикует в отечественной и зарубежной научной печати. Без преувеличения можно сказать, что именно после этих публикаций ис-

панский воробей стал одной из наиболее изученных воробьиных птиц нашей фауны (одновременно изучением биологии и разработкой мер борьбы с этим видом занимались зоологи Э.Н.Голованова в России и Г.С.Умрихина в Киргизии).

Эдуард Иванович Гаврилов. 2003 год. Фото О.В.Белялова.

В Институте зоологии, куда Э.И. перешел в декабре 1964 года, он с увлечением включается в организованное И.А.Долгушиным для получения материалов к сводке «Птицы Казахстана» стационарное исследование биологии высокогорных птиц. Здесь он впервые для себя сталкивается с такими замечательными птицами, как ардовый дубонос, ардовая чечевица, бледная и черногорлая завирушки, черногрудая красношейка, расписная синичка и многие другие. В тезисах очередной, Четвертой Всесоюзной орнитологической конференции (Алма-Ата, сентябрь 1965), в организации и проведении которой Э.И. принял

активное участие, публикуется целый блок соавторских докладов по данным видам, а вскоре появляются в печати и обстоятельные статьи с описанием их биологии.

В 1966 году, после смерти Игоря Александровича Долгушина, Э.И. становится заведующим лабораторией орнитологии и руководит ею без малого четверть века – до 1990 года. Вместе с лабораторией он принял в наследство и чрезвычайно ответственное дело – незаконченную многотомную сводку по птицам Казахстана. Параллельно с организацией первого орнитологического стационара по изучению миграций птиц на Чокпаке необходимо было организовать авторский коллектив на написание оставшихся разделов сводки и добиваться у высокого начальства включения уже написанных рукописей в планы издания. Здесь проявились незаурядные организаторские способности молодого заведующего. Вкладывая в работу всю свою неуёмную энергию, он находит себе надёжных помощников в каждом из двух важнейших направлений. Надо сказать, что расчёт заведующего оказался верным. Чокпакский стационар, несмотря на то, что в первые годы сам Э.И. много сил и времени отдавал экспедиционному обследованию других перспективных для изучения миграций мест (Джунгарские ворота, долины рек Чу и Или), крепко «стал на ноги», а сводка, превратившись из трёхтомной, как было вначале запланировано, в пятитомную, была опубликована без задержки (1970, 1972, 1974). Спустя четыре года, она была удостоена Государственной премии Казахстана, и это была заслуженная награда авторскому коллективу, в частности, Эдуарду Ивановичу как одному из основных авторов.

Как бы подводя черту работам в высокогорье, Эдуард Иванович в июне-июле 1967 года предпринимает успешные поиски гнезда красного вьюрка, дотоле никем не найденного и нахождение которого мы с ним считали просто долгом перед памятью своего учителя. Эта единственная кладка хранится сейчас в хранилище Института зоологии Академии наук Казахстана (Алма-Ата), а сама «эпопея» нахождения гнезда и доставания его с помощью альпинистов сначала была обнародована в мемуарах К.А.Воробьёва «Записки орнитолога» (1973, 1978), а затем подробно описана самим Э.И. в очерке «Красный вьюрок. Впервые в мире» в научно-популярном сборнике «Розовые чайки и чёрные журавли» (1985).

Начиная с осени 1968 года, все весенние и осенние полевые сезоны Э.И. проводит на Чокпаке. Здесь отрабатываются и окончательно «доводятся» методики учёта, отлова и кольцевания птиц; организовывается изготовление собственных казахстанских колец, налаживается массовый отлов и кольцевание птиц. К 1970 году, когда в миграционную тематику включаются орнитологи других среднеазиатских республик, Чокпак уже является флагманом кольцевания в регионе и не уступает

первенства в течение последующих 25 лет. Э.И. является одним из наиболее авторитетных идеологов миграционной тематики в регионе, а после ухода А.И.Янушевича – и официальным научным руководителем всей Среднеазиатско-Западносибирской комиссии по изучению миграций птиц. На ежегодных заседаниях этой комиссии, проходящих в разных городах – от Ашхабада до Новосибирска, заслушиваются отчёты, вырабатываются и обсуждаются планы предстоящих работ по изучению миграций, налаживанию массового отлова и кольцевания. Более полутора миллионов птиц отловлено в регионе за эти годы. Рост возвратов позволил приступить к анализу результатов. В 1978 году Э.И. организует и проводит в Алма-Ате Вторую Всесоюзную конференцию по миграциям птиц. Сам он является участником девяти Всесоюзных орнитологических конференций (с 2-й по 10-ю), а также XVIII Международного орнитологического конгресса (Москва, 1982), членом Всесоюзного орнитологического комитета, членом Центрального Совета Всесоюзного орнитологического общества и членом Президиума Казахстанско-Среднеазиатского зоологического общества, членом редколлегии сборника «Орнитология» и казахстанского зоологического журнала «Selevinia».

В результате анализа накопленного на территории Казахстана богатого материала по миграциям птиц Эдуард Иванович публикует монографию «Сезонные миграции птиц на территории Казахстана» (1979), по которой в апреле 1980 года защищает докторскую диссертацию, а через год получает звание профессора. С мая 1980 по апрель 1987 года Э.И., оставаясь заведующим лабораторией орнитологии, является заместителем директора Института зоологии по науке. И в это время он не прекращает научной деятельности: параллельно с Чокпакским организует Сорбулакский и Уральский стационары, отправляет орнитологические отряды по Центральному Казахстану, работает на Тургае, в Бетпак-Дале и других местах. Организует регулярные издания сборников «Миграции птиц в Азии», которые выходят почти ежегодно в одном из городов так называемого Срединного региона. Часть из них Э.И. редактирует (1976, 1983, 1986). Кроме того, он является редактором трёх лабораторных орнитологических сборников – «Новости орнитологии Казахстана» (1968), «Биология птиц в Казахстане» (1978) и «Фауна и биология птиц Казахстана» (1993).

Под руководством Эдуарда Ивановича защищено 11 кандидатских диссертаций по орнитологии. Он много лет являлся членом специализированного совета по защите диссертаций при Институте зоологии, ряд лет был заместителем председателя этого совета. Он опубликовал свыше 400 работ, подавляющее большинство из них посвящены орнитологии. Большой интерес представляет проведенная им ревизия орнитофауны Казахстана, результаты которой опубликованы в виде

книги «Фауна и распространение птиц Казахстана» (1999), переизданной в 2005 году на английском языке совместно с сыном А.Э.Гавриловым под названием «The Birds of Kazakhstan» (Алматы, 2005).

С именем Эдуарда Ивановича Гаврилова связана целая эпоха 25-летнего изучения миграций птиц на обширной территории Срединного региона – от Западной Сибири до южных границ Средней Азии, включая Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан. Помимо своих научных трудов Эдуард Иванович оставил о себе память в сердцах не только казахстанских, но и большинства других думающих, говорящих и пишущих на русском языке орнитологов на всём огромном постсоветском пространстве, именуемом сейчас СНГ, а имя его хорошо известно и далеко за пределами этого пространства – в странах дальнего зарубежья.

Мы, старые друзья и коллеги Эдуарда Ивановича, скорбя в эти траурные дни, выражаем уверенность в том, что память об этом крупном учёном и незаурядном человеке сохранится не только в наших сердцах, но и в новых поколениях всех тех, кто интересуется птицами нашего казахстанского региона.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск 690: 1879-1886

Чёрный жаворонок *Melanocorypha yeltoniensis* в Зайсанской котловине

Н.Н.Березовиков, Б.В.Щербаков

*Второе издание. Первая публикация в 2000**

Восточная граница распространения чёрного жаворонка *Melanocorypha yeltoniensis* проходит по линии: Семипалатинск – горы Дельбегетей – посёлок Георгиевка (западные отроги Калбинского нагорья) – устье Курчума – мыс Коржун (западный берег озера Зайсан) – Тополев мыс на южном берегу Зайсана – посёлок Покровка у западного подножия хребта Манрак (Сурвилло 1969; Корелов 1970) и нуждается в ряде дополнительных уточнений.

Юго-западнее Семипалатинска в 1987 году чёрный жаворонок был сравнительно обычен в среднем течении реки Мукур у подножий Семейтау, в районе степных озёр Малый Кызылчилик, Дельбегетей,

* Березовиков Н.Н., Щербаков Б.В. 2000. Чёрный жаворонок (*Melanocorypha yeltoniensis* Forst) в Зайсанской котловине // *Selevinia*: 203-207.

Ащиколь, Жамбас, Борли, Каскабулак, Ирсайколь (Березовиков, Ковшарь 1991). От гор Дельбегетей по долине реки Чар этот жаворонок доходит до посёлка Георгиевка (49°45' с.ш., 82°01' в.д.), где в 1960-е годы наблюдался между посёлками Троицкое, Белогорка, Черниговка и Карасу. От Георгиевки имеется значительный выступ ареала на север в предгорья Калбы (в сторону Усть-Каменогорска) на участке: река Кызылсу – село Канайка – Монастырские озёра и гора Айиртау (49°45' с.ш., 82°01' в.д.). От Георгиевки на юг до посёлка Кокпекты и на восток до посёлка Самарское следует значительная, шириной до 100 км, «пустая зона», где этот жаворонок отсутствует. Юго-восточнее Кокпекты он появляется между Романовкой и Ивановкой. На западном берегу Зайсана его наблюдали на участке: устье Букони – Каракас – Большевик – урочище Ушкумей – залив Бесчаны. Далее на юг чёрный жаворонок широкой полосой гнездится от берегов озера Зайсан до северного подножия Тарбагатай, доходя на восток до северных и западных предгорий Манрака, вдоль которых по реке Кандысу доходит до села Покровка, а по долине реки Эспе заходит в западные предгорья хребта Манрак. В Чиликтинской долине, расположенной между хребтами Тарбагатай и Саур, чёрный жаворонок отсутствует.

В мае 2000 года нам удалось уточнить южную границу распространения чёрного жаворонка в северных предгорьях Тарбагатай и с помощью портативного навигатора «Magellan» системы GPS определить географические координаты его крайних находений. Между посёлком Акжар и горами Жаман Арганаты последние жаворонки встречены в 5-6 км не доезжая до села Куйган на реке Орта-Уласты. В горах Жаксы Арганаты и Жаман Арганаты и в степной долине реки Жарсу, лежащей между ними, чёрные жаворонки отсутствовали и начали встречаться лишь на северо-западной окраине Жаксы Арганаты (47°30' с.ш., 83°06' в.д.) на высоте 840 м над уровнем моря. Вдоль западного подножия Жаксы Арганаты они изредка попадались в полынной долине от посёлка Ойчилик до выхода реки Тебиске из гор (47°25' с.ш., 83°02' в.д.) до высот 1030 м н.у.м. По каменистой подгорной равнине между реками Тебиске и Карабуга (Каргыба) в полосе шириной 10 км они отсутствовали. Однако по левобережью Карабуги чёрные жаворонки стали попадаться в 14-15 км ниже выхода реки из ущелья (47°40' с.ш., 82°34' в.д.) на высоте 715 м н.у.м. По реке Базар они стали попадаться в 13 км ниже гор (600 м н.у.м.) и вдоль трассы наблюдались до села Базар. По реке Бугаз в 1998 году чёрные жаворонки начали попадаться севернее посёлка Жантекей у фермы Уан.

Второй, сравнительно небольшой участок ареала чёрного жаворонка находится на северном побережье озера Зайсан. Начинается он в 10-15 км южнее устья реки Курчум от посёлка Зелёный и залива Туранга и по северному берегу от мыса Коржун (исток Иртыша) доходит до мыса

Бархот и посёлка Манукой (Аманат).

Для чёрного жаворонка характерна пульсация границы распространения по периферии ареала. Так, ещё в первом десятилетии XX века он гнезвился только на западном побережье озера Зайсан. В 1904 году восточным пределом его расселения была долина реки Эспе (Сушкин 1938), в дальнейшем он встречался только до реки Шорга (Хахлов 1928). В 1966-1968 годах восточная граница ареала чёрного жаворонка стабилизировалась на линии Тополев мыс – Покровка (Сурвилло 1969). В 1975 году он встречался между рекой Эспе и посёлком Приозёрный, в 1978 году последняя птица встречена в 11 км перед мостом через реку Эспе, а в 1980 году чёрный жаворонок вообще отсутствовал между рекой Шорга и посёлком Приозёрный. В мае 2000 года эти птицы попадались до северных предгорий Манрака, 5-6 км восточнее места пересечения зайсанской трассы рекой Тайжузген (47° 42' с.ш., 84° 06' в.д.), однако между посёлками Приозёрный (переименованный ныне в Тугыл – *авт.*) и Карабулак отсутствовали.

В западной части котловины вдоль автотрассы посёлок Кокпекты – город Зайсан в 1955 году чёрные жаворонки встречены у села Ивановка, в 1975 они были редкими между Прохладным и Романовкой, в 1977 стали попадаться в 20 км юго-восточнее посёлка Кокпекты, перед Романовкой, в 1978 обнаружены в 60 км от посёлка Кокпекты, в 1980 году обнаружены лишь за Ивановкой. В мае 2000 года чёрные жаворонки впервые встречены вдоль зайсанского тракта в 58 км восточнее Кокпекты и чаще всего наблюдались между сухими руслами речек Базар и Манабай.

На северном побережье Зайсана в мае 1876 года чёрный жаворонок был расселён на восток до горы Карабирюк (Финш, Брем 1882). В 1965-1986 годах он встречался по северному берегу озера от истока Иртыша до посёлка Манукой. В мае 2000 года одного самца встретили на Киин-Керише, в 18 км севернее Манукой, хотя при неоднократных посещениях этого места в 1976-1986 годах жаворонок отсутствовал.

Биотопическое размещение и численность. Местообитания чёрного жаворонка имеют степной и полупустынный облик. В западных предгорьях Калбы при относительно низкой численности населяет холмистую полынно-злаковую степь с порослью спиреи, щебнистой почвой и выходами скальников по сопкам. У Монастырских озёр (северный предел распространения) численность составляла в среднем 2 пары на 1 км маршрута, между Монастырскими озёрами и Георгиевкой – 0.1 пар/км (апрель 1978), в окрестностях Георгиевки – 4.4 ос./км (апрель 1972). В юго-западном Призайсанье в 1970-е годы был наиболее многочислен в глинисто-щебнистой полынно-солянковой (3.0), щебнистой полынно-солянковой и глинисто-песчаной полынно-солянковой (2.8) полупустынях, а в среднем в этих трёх типах его числен-

ность составляла 2.5 пары на 1 км маршрута. Обычен в глинистой полупустыне, растительная ассоциация которой представляет собой сочетание чия, караганы и чингила с пятнами солончаков (1.9 пар/км) или полыни и чия (1.6). Сравнительно ниже его численность в песчаной полынно-караганниковой (0.1) и глинистой чиевой (0.3) полупустынях. В небольшом числе гнездится в песчаной, хорошо закреплённой пустыне Муюн-Кум на южном берегу Зайсана и в сухой глинистой полупустыне с куртинами акации Шнейдеркалиля по долине реки Эспе (1.0). Между Акжаром и Приозёрным (0.2) и между Акжаром и Покровкой (1.0 пар/км) сравнительно редок. Найден чёрный жаворонок здесь в чиевой степи по долине реки Кандысу, а также на сенокосах, которые эпизодически поливаются. В подгорной зоне Тарбагатая наблюдался преимущественно по полынной степи с глинистым и глинисто-каменистым субстратом. Лишь по реке Карабуге отдельных самцов встречали на брошенных полях и огородах, зарастающих сорняками. По побережью озера Зайсан чёрные жаворонки наблюдались на скошенных лугах, причём у посёлка Крупское встречались в редких зарослях тростника высотой до 2 м.

На 308 учётных километров в юго-западном Призайсанье в 1977-1980 годах средняя численность чёрного жаворонка в зоне наибольшей плотности составляла 2.2 самца на 1 км маршрута. Абсолютный показатель численности самцов в зависимости от особенностей биотопа колебался от 0 до 11 особей на 1 км, в одном случае на автотрассе кормилось 40 штук на километровом отрезке (10 апреля 1978). В 1977 году на 235 км маршрута между посёлками Кокпекты и Акжар учтено 288 самцов (в среднем 1.1 ос./км), в 1978 на 245 км – 158 (0.7), в 1980 на 86 км – 162 (1.0), а в мае 1980 года на 125 км – лишь 22 самца. В северо-западной части Зайсанской котловины между посёлками Зелёный и Аксуат (20 км) 8 мая 1976 отмечено 10 самцов, между заливом Туранга и посёлком Аксуат (30 км) 19 мая 1970 – 50 самцов, а от Аксуата до мыса Бархот (40 км) – 17 самцов. На северном берегу Зайсана между Бархотом и Манукоем (20 км) 4-6 мая 1986 чёрный жаворонок был уже редок (7 самцов), а восточнее и севернее до Киин-Кериша и Кара-Бирюка не встречался.

Гнездовой период. В местах гнездования чёрные жаворонки распределяются в третьей декаде марта – первой декаде апреля, когда на пустынной равнине уже сходит снег. В это же время начинается пение и токование самцов, в интенсивной форме продолжающееся в течение апреля и мая. Особенности токования жаворонка подробно описаны (Корелов 1970). К этому можно добавить, что его песни чрезвычайно вариабельны и состоят из заимствований и подражательных элементов. В условиях ранней весны на призайсанских пустынных равнинах поющие и токующие самцы чёрных жаворонков – одно из самых ярких

и запоминающихся на долгие годы явлений. В их песнях отмечены голоса пустынной каменки *Oenanthe deserti*, полевого воробья *Passer montanus*, крачки *Sterna*, жёлтой трясогузки *Motacilla flava*, береговой *Riparia riparia* и деревенской *Hirundo rustica* ласточек, чечётки *Acanthis flammea*, рогатого жаворонка *Eremophila alpestris*, суслика и других.

Откладка яиц растянута с первой декады апреля до начала мая. По наблюдениям 10-12 апреля 1978 и 18-19 апреля 1977 основная масса самок чёрного жаворонка в южном Призайсанье уже находилась на кладках. В чиево-чингилевой степи в долине Кандысу южнее села Акжар у основания кустика чия, в ямке, выстланной стеблями этого растения, 11 апреля 1978 найдена кладка из 3 яиц. Отстрелянный в коллекцию от этого гнезда самец (масса 64.5 г) имел хорошо развитые семенники размером 5×5 и 7×5 мм. Гнездо с пуховичками у Тополевого мыса находили 24 мая, «поршков» встречали 1 июня (Корелов 1970). На северном берегу Зайсана у мыса Бархот 10 июня 1971 под кустиком типчака обнаружено гнездо с маленькими птенцами в рыжем пуху. Другое гнездо, осмотренное 10 июня 1973, было устроено среди полыни в ямке, выложенной небольшим количеством стеблей типчака, содержало 3 разновозрастных птенца с прорезающимися глазами и начавшими пробиваться пеньками на спине. Птенцы имели рыжевато-охристый эмбриональный пух, тёмный кожный покров, красновато-серые лапки, которые у старшего птенца были значительно темнее, чем у младших. Ротовая полость и валики были жёлтыми, на кончике языка имелось 3 тёмных пятнышка, из них два по краям, одно на кончике. Во время дневной жары птенцы в поисках тени расползались в разные стороны от гнезда под куртинки травы и возвращались в гнездо лишь вечером.

Выкармливают птенцов оба родителя. За 3 ч наблюдений у одного гнезда маленьких птенцов кормил только самец, собирая насекомых в полыни, иногда схватывая их в полёте. Охотно разрывал конский навоз и выискивал в нём жуков. Во время появления самки иногда совершал перед ней ритуальное токование и непродолжительно пел. После кормёжки птенцов взрослые собирают в гнезде капсулы с помётом и тут же их съедают.

В наиболее ранних кладках птенцы появляются в первой декаде июня, однако сроки вылупления у некоторой части птиц бывают растянуты до конца месяца. В первой декаде июня в массе появляются слётки. Так, 14 июня 1965 уже довольно часто встречались лётные птенцы, а в урочище Ушкумей 27 июня 1968 ещё наблюдались неуверенно летающие молодые, часть из которых докармливалась взрослыми. Во второй декаде июня часть молодняка становится самостоятельной и к концу июня они оставляют гнездовые участки, собираясь в не-

большие стайки, совершают местные кормовые кочёвки. Взрослые птицы ещё некоторое время придерживаются мест гнездования, но связь партнёров быстро утрачивается. Самцы в это время продолжают петь, но уже вяло и отрывисто. Иногда среди поющих самцов наблюдаются элементы ухаживания за самками. Поющие самцы иногда встречаются в сентябре и октябре.

Послегнездовой период. В августе-сентябре чёрные жаворонки, объединившиеся в стаи по 8-120 особей, совершают широкие кочёвки по полупустыням Призайсанья, являясь здесь фоновым видом. В северном Призайсанье в третьей декаде августа 1976 года на 200 км автомаршрута учтено 120 особей (0.6 ос./км), во второй декаде октября 1975 года на 210 км учтено 300 особей (1.3). В районе озера Туранга (бывший залив Туранга – *авт.*) 27 сентября 1963 тысячные стаи, состоящие в основном из самцов, концентрировались на просяных полях (И.Ф.Самусев, устн. сообщ.). Между Манукоем и Аксуатом 15 сентября 1970 и 28 октября 1978 держались сотенные стаи чёрных жаворонков. В 1998 году при обследовании Северного Призайсанья эти жаворонки были редки и встречались только в узкой полосе полупустыни вдоль северного берега озера Зайсан между мысом Коржун и посёлком Манукой (Аманат), где 7-11 сентября на 300 км автомаршрута учтено лишь 153 особи. Между посёлками Приозёрный и Кокпекты 26-27 сентября 1981 они были наиболее многочисленны в бугристых песках в районе посёлка Крупское и Белая школа.

Зимний период. С наступлением зимы чёрные жаворонки появляются в долине Иртыша и в прилегающих предгорьях Западного Алтая и Калбы. В Калбинском хребте они изредка наблюдаются в январе-феврале в широких горных долинах рек Таинты и Урунхай вдоль трассы Самарское – Усть-Каменогорск. По правобережью Иртыша между устьями Ульбы и Убы отмечались на окраине Усть-Каменогорска – 16 января 1968 (20 особей), у села Прапорщиково – 8 января 1974 (4), у села Берёзовка – 5 февраля 1972 (2), 9 февраля 1973 (4), 2 декабря 1973 (54), 8 января 1974 (4), 26 декабря 1978 (50 штук). На левом берегу Иртыша у села Таврия 28 декабря 1976 часто встречались стаи до 10 особей. Через предгорья Калбинского и Западного Алтая чёрные жаворонки проникают в пределы Алтайского края и в горы до Лениногорска.

Для чёрного жаворонка характерна нерегулярность появления за пределами гнездового ареала, что, на наш взгляд, связано с суровыми многоснежными зимами. Так, в окрестностях Усть-Каменогорска жаворонок был весьма обычен и даже многочислен в военные и послевоенные годы. Об этом можно судить по тому, что их помногу отстреливали из ружей «бекасинником» и варили вёдрами. Поэтому чёрный жаворонок был хорошо известен местному населению и имел распро-

странённые в народе названия. Так, самок здесь называли «жёнушками», а самцов – «чернышами». В 1951-1954 годах чёрные жаворонки регулярно появлялись в черте города и на пустырях и отлавливались в большом количестве горожанами. В январе-феврале 1955-1967 годов стаи по 500-1000 штук наблюдались на выдувах окрестных гор, кормясь семенами горца живородящего. Отмечались также стаи по 40-100 особей с примесью чечёток *Acanthis flammea*, рогатых жаворонков *Eremophila alpestris* и пуночек *Plectrophenax nivalis*. В 1970-1980-е годы их встречи здесь стали редкими и нерегулярными, преимущественно мелкими группами по 2-8, изредка до 50 особей.

Обратное движение чёрных жаворонков из предгорий Алтая происходит во второй половине февраля и особенно в марте. Так, из пределов Алтая у Новенского они исчезали в середине марта (Корелов 1970). В долине Иртыша между посёлками Глубокое и Берёзовка последние стаи отмечались 22 марта 1969 и 16 марта 1977.

Во время зимних кочёвок чёрные жаворонки охотнее всего придерживаются проезжих дорог, где собирают рассыпанное зерно, в меньшей степени попадают на выдувах и проталинах по склонам степных увалов и сопок. Иногда появляются и кормятся по окраинам животноводческих ферм и кошар, в местах, где снег сильно выбит пасущимся скотом. Отмечались случаи гибели жаворонков на оживлённых автотрассах под колёсами движущегося автотранспорта. В зимний период кочующие чёрные жаворонки нередко отлавливаются птицеловами для продажи любителям птиц в другие республики. В последнее десятилетие их стали охотно отстреливать таксидермисты для изготовления чучел в коммерческих целях, так как оригинальная чёрная окраска и эффектный вид птицы пользуются повышенным спросом у покупателей, особенно зарубежных. Все эти факторы, несомненно, могут сказаться на состоянии популяции этого вида, в том числе, зайсанской. В частности, при обследовании в сентябре 1998 года Северного Призайсанья и в мае 2000 года юго-западной части Зайсанской котловины численность чёрного жаворонка, по сравнению с 1976-1987 годами, оказалась чрезвычайно низка.

Литература

- Березовиков Н.Н., Ковшарь А.Ф. 1991. О птицах Семипалатинского Прииртышья // *Изв. АН КазССР. Сер. биол.* 4: 45-49.
- Корелов М.Н. 1970. Семейство Жаворонковые – *Alaudidae* // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 3: 194-285.
- Сурвилло А.В. 1969. Жаворонки Зайсанской котловины и их возможная роль в очагах арбовирусных инфекций // *Материалы 10-й научно-практ. конф. Казахского ин-та эпидемиол. и микробиол.* Алма-Ата, 1: 145-148.
- Сушкин П.П. 1938. *Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии*. М.; Л., 2: 1-436.

Финш О., Брем А. 1882. *Путешествие в Западную Сибирь*. М.: 1-578.

Хахлов В.А. 1928. Зайсанская котловина и Тарбагатай. Зоогеографический очерк. Птицы. Ч. 1. Общая // *Изв. Томск. ун-та* 81: 1-157.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск 690: 1886-1891

Новые данные по биологии и размножению большого чекана *Saxicola insignis*

Е.Н.Панов

Второе издание. Первая публикация в 1976*

В июне 1970 года экспедиционный отряд Института цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР проводил полевые исследования в южной части Чуйской степи (Горно-Алтайская автономная область). После того, как директор местной противочумной станции А.Г.Деревщиков сообщил нам, что он несколько раз видел южнее посёлка Ташанта какого-то неизвестного ему чекана, мы специально обследовали эти места и обнаружили 27 июня 1970 небольшое поселение этих птиц, оказавшихся большими чеканами *Saxicola insignis* J.E. et G.R.Gray, 1846.

Среди воробьиных умеренной зоны Евразии большой чекан относится к числу наименее изученных видов. Некоторый ореол таинственности, окружавший эту довольно скромную по величине и окраске птицу, нашёл отражение даже в её латинском названии – «*insignis*», что означает «замечательный», «выдающийся». Начать с того, что даже область распространения большого чекана очерчивается пока что весьма смутно. До сих пор этот вид был обнаружен на гнездовье лишь в одной точке – в субальпийской зоне Хангайского хребта (Козлова 1930, 1932). Найденный нами район гнездования отстоит от этого места почти на 1000 км к северу. Возможно, что столь же далеко простирается ареал и к югу от Хангая: молодая птица, уже сменившая гнездовой наряд, была добыта Н.М.Пржевальским в Алашане в августе 1880 года. Существует мнение, что большой чекан может гнездиться также в районе озера Зайсан, но подтверждений этому пока нет (Гладков 1954).

Местность, где были сделаны наши наблюдения, расположена в северных предгорьях пограничного с Монголией хребта Сайлюгем, на

* Панов Е.Н. 1976. Новые данные по биологии и размножению большого чекана // *Тр. Окского заповедника* 13: 205-211.

высоте около 2100 м над уровнем моря. Это холмистое полупустынное плато с очень бедной травянистой растительностью и с одиночными низкорослыми кустами. По склонам и у вершин сглаженных невысоких холмов тут и там видны выходы коренной породы. Птичье население довольно однообразно, хотя и не может быть названо очень бедным. Его наиболее характерные представители – обыкновенная каменка *Oenanthe oenanthe*, каменка-плясунья *O. isabellina*, горный конёк *Anthus spinoletta* и рогатый жаворонок *Eremophila alpestris*. Обращает на себя внимание большое количество пернатых хищников (в частности, чёрных грифов *Aegypius monachus*, сипов *Gyps fulvus* и орлов *Aquila*), которые существуют, по-видимому, главным образом за счёт алтайского сурка *Marmota baibacina*, живущего здесь в изобилии. Высока также численность длиннохвостого суслика *Spermophilus undulatus*.

У нас создалось впечатление, что большой чекан гнездится весьма sporadично. По-видимому, найденное нами поселение представляет собой небольшую локальную популяцию. Уже в 10-15 км севернее, по долине реки Юстыт, которая была нами тщательно обследована, большой чекан определённо не встречается. Не найден он и далее к северу, в районе Кош-Агача. Попытки обнаружить этих птиц к югу от найденного поселения вдоль Чуйского тракта, также не увенчались успехом. Вероятно, найденное нами гнездовье расположено на самой северной границе ареала, который тянется к югу через хребет Сайлюгем. В пользу этого предположения свидетельствует экземпляр, добытый П.П.Сушкиным на южных склонах этого хребта в альпийской зоне у верховьев реки Сыры-Джаматы (13 августа, молодая птица, заканчивающая линьку в осенний наряд).

Единственной характерной особенностью, выделяющей место нашей находки среди прочих ландшафтов Чуйской степи, были неглубокие овражки, промытые мелкими полупересыхающими ручьями. Именно в основаниях стенок этих оврагов большой чекан и устраивает свои гнёзда. Наблюдения за птицами, содержащимися в неволе, показывают, что этот вид едва ли склонен обитать в безводных местностях. Птицы очень любят воду, много пьют, постоянно купаются – иногда по несколько раз на день. При этом они очень требовательны к качеству воды: избегают пользоваться для питья и купания несвежей, застоявшейся водой, но неизменно употребляют свежую и холодную. Эти факты могут в какой-то степени служить объяснением привязанности его к тем участкам местности, где есть проточная вода с мелководьями и, рядом с ней, – удобные места для устройства гнёзд.

Все четыре гнезда, найденные нами (два – в 1970 году и два – в 1971), были расположены совершенно однотипно. Они помещались в земляных нишах стенок оврагов и были хорошо укрыты нависающими сверху пластами дёрна. По способу гнездования этот вид имеет много

общего с чёрным чеканом *Saxicola caprata*, также гнездящимся в нишах стенок оврагов (Чунихин, Дроздов 1968), но отличается от черноголового чекана *S. torquata*, устраивающего гнёзда на земле, обычно у основания кустика.

Гнездо большого чекана представляет собой массивную постройку с толстыми стенками, основание которых покоится в сравнительно неглубокой ямке. Гнездо выглядит как усечённый конус – нижняя его часть заметно шире верхнего края, обрисовывающего углубление лотка. Свито оно из сухой травы, в выстилке есть немного шерсти, перьев, реже – сухой мох. Глубина ниши, служащей укрытием для гнезда, составляет около 300 мм, диаметр гнезда у основания – 140-190 мм, диаметр лотка – 105 мм, глубина его – 40-50 мм. Передняя стенка может быть очень массивной. Толщина её колеблется от 20 до 70 мм. Основательный характер гнезда как нельзя лучше соответствует тем суровым климатическим условиям, в которых приходится существовать этому виду: даже в конце июня, в самый разгар лета, ночная температура воздуха нередко падает почти до 0°C.

Территории отдельных пар невелики и своими границами примыкают друг к другу. Из одной точки можно слышать и видеть одновременно до трёх поющих самцов. Расстояние между гнёздами, найденными в 1970 году, не превышало 300 м. Самцы ревностно охраняют границы территорий. Если граница нарушается соседом, самец преследует его в воздухе и на земле. При этом можно слышать угрожающий крик, звучащий как приглушённое «тру-труп-тру».

Цикл размножения протекает у разных пар довольно дружно. В 2 гнёздах, найденных 27 и 28 июня 1970, было 4 и 5 птенцов, готовых к вылету. По соседству держался одиночный самец. 28 июня 1971 у 2 пар были слётки, недавно оставившие гнёзда, а у 2 других – по 4 и 5 птенцов одного возраста (около 8 дней от роду). Из этих данных следует, что кладка нередко состоит всего из 4 яиц. Это неудивительно, если принять во внимание относительную бедность ландшафта беспозвоночными, создающую трудности в выкармливании большого выводка.

Птенцы имеют жёлто-серый клюв, ярко-жёлтые углы рта и зев. Лапы желтовато-серые с жёлтыми ступнями. Эмбриональный пух светло-палевый. Кормят птенцов и слётков оба родителя, но самка, по видимому, чаще. Взрослые птицы очень осторожны, и выследить их у гнезда нелегко. Когда же гнездо обнаружено, птицы бывают очень встревожены. Они перелетают совсем рядом с наблюдателем, издавая тревожные крики. Последние похожи на соответствующие сигналы черноголового чекана, но звучат несколько иначе. При невысокой степени возбуждения птицы издают глуховатое чеканье; когда тревога нарастает, к этим звукам присоединяется ритмичное чистое «тиканье», а в самые критические моменты изредка можно услышать протяжное

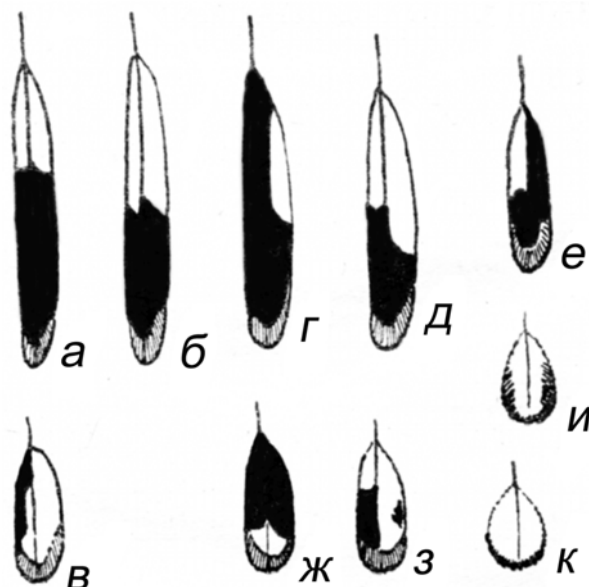
храпение. Самец иногда тихо произносит короткие куски песни (смещённая реакция).

Взволнованные птицы подбрасывают кверху хвост, одновременно слегка разворачивая его (иногда заметно движение хвоста в сторону), и всплёскивают крыльями, причём одно крыло всегда приподнимается выше другого. В критические моменты, когда чекан очень обеспокоен, крыло может на несколько мгновений фиксироваться в этом верхнем положении. Крик бедствия птенца – звонкое «*цри-цри-цри...*».

Самцы, имеющие птенцов, продолжают петь, особенно по утрам и ясным, тёплым вечерам. Песня очень приятная. Она представляет собой довольно стереотипную свистовую фразу, повторяемую с небольшими интервалами. Нередко самец поёт на лету. Он взлетает полого вверх и несколько секунд порхает на одном месте, удерживаясь в воздухе при помощи размеренных, однообразных взмахов полностью развёрнутых крыльев.

Мы несколько раз наблюдали нападение самцов на длиннохвостых сусликов. Не исключено, что эти животные могут преднамеренно или случайно разорять доступные гнёзда чеканов.

Поскольку большие чеканы, в силу своей малой изученности, редки в коллекциях, мы считаем полезным привести описание окраски молодых птиц и данные по их линьке, полученные при содержании птиц в неволе. Замечательной особенностью большого чекана является резкий половой диморфизм в первом гнездовом наряде. Контурное оперение самцов и самок в этом наряде однотипно: перья верха головы и спины желтоватые с чёрно-бурыми окаймлениями, перья надхвостья бледно-рыжие, перья низа беловатые с желтоватым налётом и с тончайшими черноватыми каёмками в области горла и груди (см. рисунок). Окраска оперения крыла у молодых самцов и самок совершенно различна. У самцов в гнездовом наряде (как и у взрослых самцов) все 8 крупных первостепенных маховых белые от основания (на 1/3 длины пера на 2-м маховом, на 1/2 – на 9-м). Среди второстепенных маховых наружные имеют белые поля на внутренних опахалах, внутренние – на наружных опахалах, а средние второстепенные маховые – чисто-белые от основания до половины пера. Кроющие первостепенных и второстепенных маховых имеют белый рисунок. Сочетания белых участков на маховых и их кроющих образуют на каждом крыле два ярких «зеркала». Три крайние пары рулевых у молодых самцов также имеют белые основания (шире на внутренних опахалах). У самок в гнездовом наряде ни маховые, ни их кроющие, ни рулевые не имеют белых участков – они сплошь рогового цвета с палевыми окончаниями (которые есть и у самцов). У взрослых самок есть белизна на тех же участках, что и у самцов, но белого гораздо меньше, основания маховых и рулевых не чисто-белые, а чуть рыжеватые.

Детали гнездового наряда самцов большого чекана.

а, б – 2-е и 9-е первостепенные маховые; *в* – кроющие первостепенных маховых;

г, д, е – наружное, среднее и внутреннее второстепенные маховые;

ж, з – кроющие наружных и внутренних второстепенных маховых;

и – контурное перо мантии; *к* – контурное перо горла и груди.

Штриховкой показаны пальцевые окончания перьев.

Самец, взятый из гнезда 28 июня (в возрасте около 8 дней), полностью сменил контурное оперение к середине сентября. Очевидно, это промежуточный зимний наряд. Перья верха головы и спины черноватые с серо-бурыми широкими окаймлениями, перья надхвостья белые с широкими рыжими окончаниями, горло желтоватое (без пестрин). Грудь, брюшко и бока тускло-рыжие, подхвостье грязно-белое с рыжеватым налётом. Перья по бокам шеи и на плечах имеют чисто-белые основания, скрытые под тёмным оперением шеи и спины. С начала ноября появляется интенсивная чернота на уздечке, вокруг глаз и на боках головы.

Молодые самцы начинают петь очень рано, в возрасте около 3 недель. На этой стадии песня сплошная, включает в себя звонкие протяжные свисты, своеобразное верещание на низких и высоких нотах и особое глухое «кваканье».

Для выяснения родственных связей большого чекана с другими представителями рода (в частности, с черноголовым чеканом) был исследован кариотип этого вида (Панов, Булатова 1972). Хромосомные наборы названных видов оказались весьма сходными.

В заключение мы приносим благодарность Н.Ш.Булатовой, Т.А.Новиковой и А.П.Крюкову, содействовавшим нам в сборе материала.

Литература

Гладков Н.А. 1954. Род чеканы *Saxicola* Bechstein, 1802 // *Птицы Советского Союза*. М., 6: 522-539.

- Козлова Е.В. 1930. Птицы юго-западного Забайкалья, северной Монголии и центральной Гоби // *Материалы Комис. по исслед. Монгольской и Тувинской Нар. Респ.* 12: 1-396.
- Козлова Е.В. 1932. Птицы высокогорного Хангая // *Тр. Монгольской комис. АН СССР*: 1-92.
- Панов Е.Н., Булатова Н.Ш. 1972. *Сравнительный анализ кариотипов 18 видов сем. Turdidae*.
- Чунихин С.П., Дроздов Н.Н. 1968. Об экологии размножения туркестанского чёрного чекана // *Орнитология* 9: 378.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск 690: 1891-1895

Об использовании территории сероголовой гаичкой *Parus cinctus* и пухляком *P. montanus* в период гнездования

В.В. Правосудов

Второе издание. Первая публикация в 1987*

Общие вопросы территориального поведения большинства видов синиц достаточно хорошо освещены в литературе (Вилкс, Вилкс 1961, 1964; Вилкс 1966; Бардин 1975, 1983а,б; Ekman 1979; и др.), но характер использования птицами участков обитания изучен недостаточно. Существуют данные, что некоторые виды синиц с оседлым типом территориального поведения в период гнездования используют не весь участок, а лишь небольшую часть его (Stefanski 1967; Бардин 1975).

Использование территории в период гнездования лапландским подвидом сероголовой гаички *Parus cinctus lapponicus* Lundahl 1848 и скандинавским подвидом пухляка *Parus montanus borealis* (Selys-Longchamps 1843) мы изучали с 15 мая по 30 июня 1982 на острове Великий в Кандалакшском заливе (Мурманская область), в основном в северной части острова и на Ковдском полуострове на площади в 300 га. Наблюдали за 2 парами пухляков и 6 парами сероголовых гаичек. Все птицы были индивидуально помечены красителями (родамин, пикриновая кислота) и цветными кольцами, изготовленными из пластика. Пол птиц определяли по поведению и наличию у самок наседного пятна. Все перемещения птиц отмечались на карте масштаба 1:5000.

* Правосудов В.В. 1987. Об использовании территории некоторыми видами синиц в период гнездования // *Вестн. зоол.* 4: 67-69.

Наши данные, а также данные других исследователей (Бардин 1975, 1983; Екман 1979) показали, что взрослые особи сероголовой гаички и пухляка строго оседлы и территориальны на протяжении всей жизни, которую проводят на участке вполне определённых размеров. У пухляка каждая пара взрослых особей занимает отдельный участок обитания, который защищает от вторжения других территориальных особей своего вида. У сероголовой гаички, как показали наши наблюдения, отдельным участком обитания обладают две пары взрослых птиц. Они вместе охраняют его территорию от вторжения других взрослых особей и во внегнездовой период объединяются в одну социальную группу. Нами были отмечены случаи, когда отдельным участком обитания обладала одна пара сероголовых гаичек.

Под характером использования территории мы понимаем частоту встречаемости птиц в различных местах своего участка обитания.

По нашим данным, участок обитания у сероголовой гаички составляет в изучаемом районе 72.2 ± 1.6 га, а у пухляка – 69.3 ± 2.7 га. В период гнездостроения самец и самка сероголовой гаички и пухляка держатся вместе и используют весь участок обитания. Синицы перемещаются по всей его территории, время от времени подлетая к гнездовому дуплу, куда самка заносит небольшими порциями строительный материал. Гнездо у обоих видов строит только самка. В это время и самец, и самка сероголовой гаички и пухляка активно запасают корм – главным образом семена сосны *Pinus sylvestris*. Таким образом, птицы насыщают запасами пищи весь участок обитания.

В период насиживания, который начинается в среднем с 27 мая, картина меняется. В это время самец и самка у обоих изучаемых видов используют территорию участка обитания по-разному. Самка сероголовой гаички в период отлучек от гнезда использует участок в радиусе 83.9 ± 7.6 м вокруг дупла, а самка пухляка – в радиусе 104.0 ± 13.6 м. Причём в 44% случаев у пухляка и в 65% случаев у сероголовой гаички самка кормится одна (Правосудов 1983). Самцы обоих видов достоверно чаще используют всю остальную территорию участка обитания, подлетая к гнезду лишь для того, чтобы покормить самку. Во время совместного кормления самки и самца, что бывает в 66% случаев у пухляка и в 35% случаев у сероголовой гаички, они перемещаются по границе участка, используемого самкой в этот период. После того, как самка возвращается в гнездо, самец сразу же удаляется на большое расстояние. В это время самки обоих изучаемых видов практически не запасают корм, тогда как самцы делают это довольно активно, продолжая насыщать запасами корма весь участок обитания. Таким образом, в период насиживания самка сероголовой гаички использует 1.4 га (2% территории участка обитания), а пухляка – 1.7 га (2.4% территории). Различия между видами несущественны.

Во время выкармливания птенцов в гнезде самец и самка у обоих видов обычно держатся вместе и используют незначительную часть своего участка обитания. У пухляка самец и самка в этот период собирают корм для птенцов и кормятся сами в среднем на удалении 94.1 ± 14.2 м от гнезда. Для сероголовой гаички это расстояние составляет 77.9 ± 12.1 м. При более детальной обработке результатов наблюдений выяснилось, что самец и самка у обоих видов чаще встречаются на удалении 20-50 и 80-150 м от гнезда и значительно реже на расстоянии 50-80 и далее 150 м от гнезда. Различия значимы при $P < 0.01$. При анализе поведения синиц выяснилось, что на ближних дистанциях взрослые птицы собирают в основном корм для птенцов, почти не кормясь сами. Дальние дистанции они используют прежде всего для собственного кормления. В период выкармливания птенцов особи обоих видов запасают корм очень редко.

После вылета птенцов из гнезда (25-30 июня) характер использования территории сильно варьирует у разных выводков. Некоторые выводки перемещаются медленно и обходят всю территорию участка обитания за несколько дней (в основном выводки сероголовой гаички), другие успевают за день несколько раз обойти весь участок обитания (в основном выводки пухляков). Но во всех случаях после вылета птенцов из гнезда сероголовая гаичка и пухляк используют уже весь участок обитания.

По нашим данным, в обследуемом районе участки обитания у изучаемых видов синиц совпадают. Одну и ту же территорию занимают и могут на ней гнездиться 2 пары сероголовых гаичек и только одна пара пухляков. Таким образом, мы имеем дело с явлением межвидовой совмещённости территорий у птиц (Бардин 1983б). Особенностью межвидовых территориальных отношений у описываемых птиц является совпадение границ участков обитания пар, а во внегнездовой период — социальных групп взаимодействующих видов. В результате на каждой такой общей территории образуется постоянное по составу смешанное сообщество из особей разных видов (Бардин 1983б). Во внегнездовое время взрослые особи сероголовой гаички и пухляка в пределах одного участка обитания объединяются в одну социальную группу, где к ним присоединяются молодые синицы обоих видов.

Однако в гнездовой период разные пары синиц с одного участка обитания друг с другом практически не встречаются. Пухляк предпочитает выдалбливать дупла в смешанных участках леса с большой примесью берёзы или даже в чистых березняках, тогда как сероголовая гаичка всегда гнездится в чисто хвойных участках леса. Таким образом, в пределах одного участка обитания оба вида устраивают гнёзда в разных микробиотопах, и поскольку во время насиживания самки у сероголовой гаички и пухляка используют небольшую территорию, а

во время выкармливания гнездовых птенцов и самцы, и самки у обоих видов не отлетают далее 200 м от гнезда, то гнездовые участки у изучаемых видов не перекрываются. У сероголовой гаички две гнездящиеся на одном круглогодичном участке обитания пары располагают свои гнёзда на максимальном удалении друг от друга, и их гнездовые участки также не перекрываются. После вылета птенцов из гнезда синицы используют всю территорию участка обитания, но разные пары вместе практически не встречаются.

Таким образом, наши данные показали, что сероголовая гаичка и пухляк в периоды насиживания и выкармливания птенцов в гнезде используют лишь небольшую часть своего круглогодичного участка обитания. Причём в инкубационный период самцы и самки изучаемых видов используют разные части участка обитания.

Всё это свидетельствует о том, что в период гнездования, по-видимому, имеется избыток кормовых ресурсов, и синицы могут не тратить энергию на дальние перелёты от гнезда за кормом. Им вполне хватает пищи для себя и птенцов, имеющейся на небольшом расстоянии от гнезда. Это ещё раз подтверждает предположение о том, что у видов с оседлым типом территориального поведения величина круглогодичного участка обитания обеспечивает существование пары взрослых территориальных особей на протяжении всего года и определяется пессимальным в отношении кормовых ресурсов сезоном (Бардин 1975; Patterson 1981). Иными словами, основной функцией большой величины участков обитания у оседлых синиц, вероятно, является обеспечение выживания особей в период недостатка пищи.

Литература

- Бардин А.В. 1975. Территориальное поведение скандинавского подвида буроголовой гаички (*Parus montanus borealis* Selis-Longchamps) // *Вестн. Ленингр. ун-та* 9: 24-34.
- Бардин А.В. 1983а. Семейство Синицы Paridae // *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана* / А.С.Мальчевский, Ю.Б.Пукинский. Л., 2: 269-299.
- Бардин А.В. (1983б) 2007. Явление межвидовой совмещённости территорий у птиц // *Рус. орнитол. журн.* 16 (387): 1541-1542.
- Вилкс К.А., Вилкс Е.К. 1961. Сезонное размещение синиц и поползней в Латвийской ССР и их зимняя подкормка // *Экология и миграции птиц Прибалтики*. Рига: 151-160.
- Вилкс К.А., Вилкс Е.К. (1964) 2001. Экспериментальные исследования территориального поведения синиц и поползней // *Рус. орнитол. журн.* 10 (157): 752-758.
- Вилкс Е.К. 1966. Миграции и территориальное поведение латвийских синиц и поползней по данным кольцевания // *Миграции птиц Латвийской ССР*. Рига: 69-88.

- Правосудов В.В. (1983) 2010. Эффективность кормления самцом самки у сероголовой гаички *Parus cinctus* и пухляка *Parus montanus* в гнездовой период // *Рус. орнитол. журн.* **19** (568): 792-794.
- Ekman J. 1979. Coherence, composition and territories of winter social groups of the willow tit *Parus montanus* and the crested tit *P. cristatus* // *Ornis scand.* **10**, 1: 56-65.
- Patterson I.J. 1981. Territorial behaviour and the limitation of population density // *The Integrated Study of Bird Populations*. Amsterdam; Oxford; New York: 53-62.
- Stefanski R.A. 1967. Utilisation of the breeding territory in the black-capped chickadee // *Condor* **43**, 1: 33-47.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск **690**: 1895

О встрече большой синицы *Parus major* в Таласском Алатау

Е.М.Белоусов

Второе издание. Первая публикация в 1995*

Наиболее западное местонахождение большой синицы *Parus major* в Тянь-Шане – Бишкек (бывш. Фрунзе, 74°30' в.д.), где она была выпущена в 1961-1962 годах. Но к концу 1976 года в Бишкеке ни одной особи не осталось. Таким образом, считалось, что в настоящее время западнее Алматы, где она обычна, большая синица не встречается (Скляренко и др. 1988). 31 декабря 1994 одиночная большая синица встречена в посёлке Жабаклы (Новониколаевка, 70°28' в.д.) Тюлькубасского района Южно-Казахстанской области. Птица кормилась на груше в небольшой аллейке недалеко от центральной усадьбы Аксуджабаглинского заповедника. Хорошо заметное лимонно-жёлтое оперение брюха и боков не оставляет сомнения в правильности определения вида.

Литература

- Скляренко С.Л., Ковшарь В.А., Лопатин В.В. 1988. Большая синица // *Позвоночные животные Алма-Аты*. Алма-Ата: 132-40.

* Белоусов Е.М. 1995. О встрече большой синицы (*Parus major* L.) в Таласском Алатау // *Selevinia* **3**, 2: 84.